

Альберт Байбурин

Этнографические заметки о языке и слове в русской традиции¹

Альберт Кашфуллович
Байбурин

Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Музей антропологии и
этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург

В этих заметках рассматриваются лишь некоторые представления о языке и слове на этнографическом материале. В частности, меня интересовали представления о том, кто владеет словом, какими причинами и каким образом объясняется глухота и немота, какова природа слова, его субстанция, способы его «создания» и усвоения. При рассмотрении представлений о слове основное внимание уделяется нарочитому, специальному слову. Ситуации, характерные для спонтанного говорения, рассматриваются только в том случае, если такое «нечаянное» слово по тем или иным причинам превращается в особое, отмеченное слово.

Кто владеет словом? По славянским воззрениям, владение языком и словом не является отличительным свойством человека. У животных и растений есть свои языки, сход-

¹ Доклад, легший в основу этой статьи, был прочитан в качестве Илчестерской лекции в Оксфордском университете в рамках симпозиума «Опасности, которые таит знакомый мир». Илчестерская лекция предназначена для иностранных славистов и по традиции не предполагает участия дискуссантов. Автор выражает признательность Британской Академии, которая финансировала научный визит в Оксфорд в октябре 2003 г.

ные с человеческим. Например, гуцулы считают, что звери не только понимают человеческий язык, но и сами разговаривают по-человечески [Онищук 1909: 20]. Даже если у какой-то твари нет языка, она понимает другие языки (ср. архангельское: *«мурав мудрой: ему все языки понимать дано, только своего языка не положено; оттого он все молчит и больше слушает»* [Ермолов 1901–1905 III: 412]).

В соответствии с текстами апокрифического характера, язык животных прежде был понятен человеку (их научили разговаривать Адам и Ева), но после изгнания из рая они перестали говорить [Колчин 1899: 50]. В этом сюжете мы впервые сталкиваемся с тем, что владение словом непосредственно связано с концептом греха, из-за которого предки вынуждены были покинуть рай. Далее эта тема станет одной из основных в представлениях о владении словом. Но и здесь она имеет продолжение: в рождественскую (пасхальную) ночь или в ночь под Новый год животные разговаривают между собой по-человечески, и эту речь можно слышать [Иванов 1907: 64; Драгоманов 1876: 3; Гура 1997: 81]. Однако подслушивать разговор животных очень опасно, т.к. они предсказывают судьбу своих хозяев и тот, кто услышит о своей смерти, умрет на месте или станет немым. Такие представления распространены на Украине, в Чехии, Польше, Словакии. По белорусским поверьям, человек, услышавший разговор животных, обретает особые знания, позволяющие ему стать знахарем [Земляробчы каляндар 1990: 292]. У растений тоже обнаруживается дар речи, но они разговаривают между собой только в купальскую ночь. Таким образом, в самые «чистые» промежутки времени к животным и растениям возвращается их исконная способность говорить и понимать общий с человеком язык.

Судя по подобного рода данным схема расподобления людей и животных по признаку владения словом примерно такова.

1. Раньше говорили все божьи твари: и люди, и животные, и птицы, и растения. Все понимали друг друга.
2. После того как люди согрешили, они перестали понимать «другие языки». К этому следует добавить, что в текстах о происхождении различных видов животных, растений и птиц они являются превращенными людьми, наказанными за тот или иной проступок. Наказание заключается в лишении человеческого облика, в том числе (или прежде всего) в лишении возможности говорить.
3. В те периоды, когда возвращается дар речи у животных и способность понимать эту речь у людей, происходит своего рода возвращение к «исходной» ситуации.

Особенным «полиглотизмом» отличаются птицы, которые говорят на «иностранных» языках. В загадках их речь определяется как говорение по-немецки, турецки, татарски и др. Ср. о ласточке: *Шито-мотовило // По поднебесью ходило, // По-немецки говорило, // По-турецки наводило* [Садовников 1959: № 1657а]. Вероятно, именно «говорливостью» птиц объясняется то обстоятельство, что с немотой боролись магическими средствами, предполагавшими, например, использование толченых *сорочьих* языков [Гура 1997: 567]. Соответственно, всякие действия против птиц (причинение им вреда, разорение гнезд и проч.) могли привести к немоте, глухоте, утрате способности воспринимать и адекватно реагировать на человеческое слово.

В сказочных текстах человек узнает язык растений, животных и птиц, отдавая ту или иную пищу. С этим мотивом овладения словом с помощью (и через) пищу (напиток) мы еще встретимся. Симметричный мотив относится к животным, которые съели на Пасху свяченого, обрели дар речи и в полночь разговаривают между собой [Гура 1997: 81].

Немота и глухота

Вместе с тем не все люди умеют говорить. Под умением говорить понимается способность изъясняться на известном языке понятными словами. Все говорящие на других, непонятных языках зачислялись в категорию немых. Причем предполагается, что «прежде» они умели говорить (т.е. говорили «по-нашему»), но после совершения некоего проступка лишились этой способности, как, например, это произошло с цыганами, которые стали говорить непонятно с тех пор, как цыганка поранила себе язык, спрятав в рот гвоздь для распятия [Белова 1999: 414].

Немым считался и младенец: *немчик — «малыш, ребенок, который еще не говорит»* [Фасмер, 1971: 62 со ссылкой на Добровольского]. Невнятное произношение, заикание также классифицировалась как немота: *«Ребенок такой баюн как колокол / не помолчит, а разобрать нельзя. Слова лепечет, да худо только родится в роту-ту. Ах ты немтырь! Худой твой язык»* [СРНГ 1986: 88]. Естественно, что немота ассоциировалась с глупостью, точнее, слово *немой* кроме всего прочего значило и ‘глупый’ [Фасмер 1971: 63].

В еще большей степени ассоциация с глупостью характерна для глухоты. М. Фасмер вообще считал, что слово *глухой*, «возможно, связано родством с *глупый*, потому что тот, кто плохо слышит, часто слышит *глупым*» [Фасмер, 1964: 417]. Ср.: *«Малый, что глупый, а глупый, что малый»*. И глухой, и глупый не реагируют (или неадекватно реагируют) на слова. Отсутствие долж-

ной реакции характерно и для младенца, который считается и глухим, и глупым, но называется глупым. Вообще следует отметить, что судя по диалектным данным *глупость* характеризует прежде всего ребенка и все то, что находится в стадии созревания (например, детеныши животных, растения, плоды) или существует в небольшом количестве: «*Надо допахать, там глупость осталась*» (прибалтийские старообрядцы [СРНГ 1970: 212–213]). С этим же кругом представлений соотносятся и такие значения слова *глупость* как ‘слабость, неспособность к действию, отсутствие силы’, ‘низкое качество, примитивность’ — ср.: *глупый стол* (в значении ‘грубо сколоченный’).

Основная причина немоты и глухоты взрослых — нарушение запретов или невыполнение ими ритуальных предписаний. Один из распространенных мотивов — наказание за святотатство. Впрочем, святотатство влечет за собой не только немоту и глухоту, но и слепоту, а также «окаменение», что означает прежде всего лишение дара речи. Ср.: «*Говорят, что на вершине скалы, называемой Немецкою варакою, однажды сидели шведы, пришедшие ограбить Соловецкий монастырь, и во время обеда разговаривали о добыче, которая им вскоре достанется. Один из шведов, во время этого разговора взглянув на монастырь, белевший среди моря, воскликнул: „Недолго тебе красоваться!“ Но в эту минуту говоривший окаменел внезапно, и вместе с ним все собеседники его превратились в камни*» [Северные предания 1978: № 140; см. также № 103 и др.; Мифологические рассказы 1996: № 412 и др.]. Приведенный пример интересен еще и тем, что святотатство выражено словом.

Полная или частичная немота нередко объясняется продолжительным пребыванием человека в ином пространстве. В так называемых мифологических быличках о людях, которых «водил леший», они лишаются способности говорить. Этот мотив особенно характерен для рассказов о детях, которые силой родительского проклятия оказываются в ином мире, а по возвращении с ними нельзя разговаривать, так как «им не велено». Ср.: «*Как пришел из лесу, так не велено было к нему матке подходить, слово говорить, с месяц*» [Мифологические рассказы 1996: № 55]. К этим поверьям близки представления о том, что немота и глухота может быть вызвана порчей колдунов [Попов 1998: 31]¹.

Немота и глухота с рождения связываются с нарушением

¹ В работе о глухоте и немоте в традиционной культуре О. Бойцова выделяет и другие причины глухоты и немоты, например подслушивание у наружной стены разговора, ведущегося в доме (ср. подслушивание «разговора» домашних животных); нарушение звукового фона в определенные промежутки времени; нарушение правил ношения шапки и др. [Бойцова 2004].

родителями запрета на супружескую близость в определенные дни, например праздничные, поминальные, в пятницу [Кабакова 2001: 206]. Ср.: «*В ночь на бабу нельзя иметь супружеские отношения, иначе родится немец (немой) или калека, урода — што-нибудь будзе. От этого-то все немые пошли*» [Седакова 1983: 258]. К тем же последствиям может привести нарушение запретов во время беременности (если беременная будет передразнивать немых и картавых, ее ребенок будет иметь те же недостатки [Никифоровский 1897: 3]). Вообще по отношению к беременной существовало множество запретов, нарушение которых могло привести к немоте и глухоте ребенка. Например, беременная «*не должна шить по праздникам — иначе зашьет младенцу глаза или рот и он родится слепым или немым*» [Балов 1999: 56]. Показательна забота о двух основных каналах связи человека с окружающим миром. Не менее существенно, что в том же наборе предписаний существует и более общее правило, касающееся его мыслительных способностей: беременная не может положить куска хлеба за пазуху, иначе ребенок вырастет «*невежесю*» [Балов 1999: 56].

Говоря о немоте с рождения, следует также упомянуть широко распространенный сюжет о так называемых подменышах (детях, подмененных нечистой силой в течение первых сорока дней после рождения). Такие дети не говорят, а лишь орут и все время требуют есть, но сколько им не давай — все мало (см., напр.: [Предания и былички: 1997, № 104, 105]). Их неспособность говорить объясняется тем, что они по своей природе не являются людьми, а лишь похожи на тех, кого подменили. Тем самым предполагается, что нечисть не умеет говорить «по-человечески». Однако есть данные, что нечистой силе приписывалась способность говорить, но ее речевое поведение отличалось от человеческого: ей свойственно либо необычное красноречие (в частности, способность говорить рифмованной речью) либо крайнее косноязычие, повторение одних и тех же слов [Виноградова 1999: 179–199].

Глухота и немота расценивались как Божье наказание. Этим представлением объясняется не только то обстоятельство, что глухих и немых не везде было принято лечить¹, но и отношение к ним «нормальных» людей. При этом нужно иметь в виду, что отношение к глухим и к немым существенно различалось. Глухота почти однозначно ассоциировалась с глупостью (и старостью). В то же время считалось, что немота не препятствует пониманию и немой вовсе не глупый. Он владеет язы-

¹ В тех местах, где глухоту пытались лечить, способы лечения были ориентированы в первую очередь на символическое проделывание отверстий в ушах больного с целью освободить путь для звука (см., напр.: [Попов 1998: 78]).

ком, но этот язык другой. Если глухота, как уже сказано, ассоциировалась со старостью, то немота — с младенчеством (при том что младенцы обладают особым знанием — см. об этом ниже). Немые все понимают, только не говорят, а глухие не понимают, хотя и говорят. Разница существенная, и отношение к тем и другим соответствующее.

И глухие, и немые считаются убогими и несчастными, их принято жалеть и относиться к ним как к калекам, но при этом отношение к немым было более сострадательно [Бойцова 2004: 13]. Особое отношение — к глухонемым. Они считались полными калеками, но именно абсолютная недоступность слова делала их безгрешными: «*И глух и нем — греха не вем*» (о связи слова с концептом греха см. ниже). Любопытно, что по церковным установлениям глухонемые допускались к исповеди, которая называлась *глухой исповедью* [Даль 1955 I: 358].

Теперь, после краткой характеристики немоты и глухоты, обратимся к начальным этапам зарождения слова.

Тайна рождения. Рождение ребенка окружено молчанием. Точнее, молчание является естественным и необходимым фоном рождения и человека, и слова. Практически повсеместно старались скрыть роды даже от близких родственников [Лебедев 1853: 183; Виноградов 1915: 359 и др.]. Мотивировалось это тем, что «*роды бывают тем труднее, чем более лиц о них знает*» [Успенский 1895: 22]. Но судя по некоторым данным существенным было не столько знание о родах, сколько разглашение, вербализация этого знания¹. Опасность исходила именно от слова, причем особенно вредным считалось знание детей и девушек (т.е. тех, кому еще предстоит рожать). В этом смысле показательны комментарии вроде: «*Взрослые знали, но молчали*» [Власкина 2001: 64]. Впрочем, у донских казаков (а именно о них идет речь) даже родная мать не должна знать — иначе роды будут тяжелыми [Там же].

У белорусов «*если сторонняя женщина придет в дом „родихи“ и тут только узнает о родах, то, не говоря ни слова, она „хапачиць ложку и есь траву“, попавшую под руку, а за неимением ее — кусок хлеба. Сделав глотка два, она торопливо и „мовчиком“ уходит из дому. Это делается для того, чтобы дитя скорее стало говорить*» [Никифоровский 1897: 15]. Здесь мы снова сталкиваемся с «проглатыванием знания» (этой женщине еда срочно

¹ Ситуация, когда все знают, но молчат, может быть обусловлена самыми разными обстоятельствами. Кроме того, в культуре всегда существуют сферы, проникновение в которые слова затруднено. Еще совсем недавно к таким сферам относились, например, сексуальные отношения. Проницаемость слова всегда неравномерна. Исходно запретные темы связаны с ритуальными запретами (ср. запрет на называние нечистой силы [Зеленин 1930: 90]). Из сферы ритуала подобные темы «опустились» в область приличий.

потребовалась для того, чтобы проглотить с ней новость). О нем подробно будет говориться ниже. Сейчас отметим лишь, что продельвает она все это молча и молча уходит *«для того, чтобы дитя скорее стало говорить»*. Тем самым подчеркивается, что для говорения требуется молчание.

Ритуал «открикивания» ребенка. В самых разных областях России зафиксирован обряд оживления ребенка, родившегося без признаков жизни. Считалось, что его можно оживить, выкрикивая имена родителей. Например, в Сибири, если родившийся ребенок не подает признаков жизни, отец *«бьет палочкой в дно сковородки и гаркает по имени мать, если родилась девочка, или свое, если мальчик»* [Виноградов 1915: 366]. Д.А. Баранов приводит целую подборку аналогичных сведений из архива Тенишевского бюро по Рязанской, Орловской, Пензенской и др. губерниям. По его мнению, *«этот обряд выступает как имянаречение родителей — с точки зрения младенца, с одной стороны, и знакомство младенцев с родителями (иногда перед смертью, так как он может и не ожить) — с другой. Таким образом, озвучивание (=узнавание) имен родителей вводит новорожденного в систему родственных связей, указывает ему его место в родовой ситуации и тем самым дает ответ на вопрос „кто я такой“*. Знание ответа, как видно из приведенных свидетельств, является эффективным средством закрепления ребенка в мире людей» [Баранов 1999: 77]. Можно сказать, что в данном контексте слово является той нитью, которая связывает его с живыми людьми и дает ему шанс на жизнь среди слов.

«Развязывание языка». В соответствии с народными представлениями ребенок рождается со «связанными» руками, ногами, языком, с «закрытыми» глазами и ушами. В течение первых 6–7 лет происходит их «развязывание» и «открытие». Причем считалось, что способности видеть, слышать, ходить, говорить и др. появляются не «сами по себе», а в результате выполнения необходимых ритуальных предписаний и совершения специальных обрядов. Например, в Витебской губернии (как, впрочем, и во многих других местах) были распространены представления о том, что *«еще в материнской утробе ножки каждого дитяти связываются невидимыми путами <...>. У иных детей эти путы крепче: такие дети долго не ходят. Тогда нужно „разрезать путцы и освободить“ дитя. К головке дитяти привязывается „куделя“, и мать без веретена прядет возможно длинную и толстую нитку, делает из нее путо, которым опутывает дитя, и, поставив его на „дыбки“, одним взмахом ножа разрезает путо промеж ног»* [Никифоровский 1897: 29].

Аналогичные представления были связаны с языком. Ребенок не умеет говорить не потому, что еще не пришло время, и уж

тем более не потому, что не сформирован его речевой аппарат, а потому, что его язык находится в «связанном» состоянии. Поэтому, например, в Заонежье после первых произнесенных ребенком слов трижды «чикали» ножницами у рта ребенка, освобождая его язык [Логинов 1993: 86].

Гораздо чаще нитями, связывающими язык ребенка, представлялись его собственные **волосы**. Вероятно, именно поэтому существовал устойчивый запрет стричь волосы до года или до произнесения первых слов. *«Ребенку до году не стригут волосы — „чтобы не отрезать язык“, то есть ребенок не будет говорить. Стригут, когда ребенок говорит хотя бы несколько слов»* [Мазалова 2001: 118; ср.: Дивильковский 1914: 599; Зеленин 1991: 331; Добровольская 2001: 102 и др.¹]. Соответственно, обряд первой стрижки волос символизировал и «развязывание языка» (см. подробнее: [Байбурин 1991: 260–262]).

В народных представлениях волосы связаны не только с даром речи, но и с умом². Ср.: *«До года не стригут — ума меньше будет»* [Мазалова 2001: 118]. Показательно, что в Полесье первые остриженные волосы *«родители могут сохранять, как и пуповину, и дать распутать их ребенку, когда он уже набрался ума-разума»* [Кабакова 2001: 130]. Уже приходилось писать об обряде «развязывания ума», заключительном в серии «развязываний» [Байбурин 1995]. Он совершался позже, в возрасте 5–7 лет, когда ребенку предлагалось развязать пуповину, завязанную при его рождении. Считалось, что если он сможет ее развязать, то тем самым освободит от пут свой ум. Судя по полесским материалам, наряду с пуповиной могли использоваться и первые остриженные волосы.

Слово и грех. Обретение дара речи означает утрату особого «детского знания» [Баранов 1999: 85–89]. До этого времени дети считаются Божьими ангелами, которым все известно, но *говорить* не велено. Дети понимают язык ангелов до тех пор, пока не научатся говорить. Однако, если приглядеться к тому, что делают младенцы, можно узнать, что произойдет в будущем, поскольку ими водит Божья сила [Сержпутоўскі 1998: 184]³. На

¹ Любопытно, что, например, в Олонецкой губернии мальчика стригли тогда, когда он *«в первый раз засмеется»* [Михайловская 1925: 624]. Тем самым смеху придавалось то же значение, что и слову.

² А также с памятью. В Вятской губернии считалось, что *«сон будешь помнить до тех пор, пока не пошевелишь свои волосы»* [Гаген-Торн 1933: 82]. Ср. также роль волос в таких сферах, как гадание и прорицание.

³ *«Дзецям усе вядома, бо яны Божыя анелкі. Толькі ім не велено аб том казаць, каб мы не забягалі волі Боскае. Але калі прыглядацца к таму, што робляць малыя дзеці, та можна ўгадаць, што уперад будзе, толькі трэз умець тое разгадаць. Дзіця нічога не робіць сваявольна, а ім водзіць Боская моц»* [Сержпутоўскі 1998: 184].

подобных представлениях основаны многочисленные приметы по поведению детей, например: «*Когда детишки на проталинках играют и ложатся животом на землю, к ранней и теплой весне*» [Яковлев 1906: 172]. Дети, не умеющие говорить, безгрешны. Само понятие **греха** применимо лишь к тем, кто владеет **словом**. Более того, слово может представляться воплощением греха. Поэтому о не умеющем говорить ребенке говорили: «*Он/она еще и греха не знает*». Овладение словом выводит ребенка из «ангельского чина», он перестает быть носителем божьей воли. Слово открывает путь к другому, «грешному» знанию.

Детское знание не нуждается в словах, оно как бы в принципе не вербализуется, а выражается другими способами, прежде всего — в поведенческих актах. Взрослое знание нуждается в словесном выражении, требует не естественных, а «искусственных» форм проявления, и в первую очередь — с помощью слов. Поэтому знание (а тем более особое, колдовское знание) — грех, от него нужно освобождаться перед смертью, т.к. человек должен вернуться в исходное («ангельское») состояние. Вероятно, на этой идее основан обряд передачи колдовского знания, заключенного в особых словах.

Что же касается обычного человека, то его очищение заключается в последней исповеди, во время которой вместе с **последними словами** должны уйти все его грехи. Он должен прекратить не только **говорить**, но и **слышать** то, что произносятся другие, т.е. перестать воспринимать слово. И в этом смысле очень показательны, что, по народным представлениям, усопший утрачивает способность слышать только после **отпевания** [Смирнов 1920: 35]. Как и в других случаях (ср. *петый волос* — о замужней женщине) отпевание является знаком необратимости (ср. *отпетый дурак* — ‘окончательный’, ‘безнадежный’).

Связь слова с концептом греха прослеживается постоянно — ср. хотя бы: *Больше говорить — больше согрешить. Меньше говорить — меньше греха. Лишнее слово в досаду (во грех, в стыд) вводит. Кто молчит — не грешит* [Даль 1984 I: 317, 318, 321, 323]. Можно предположить, что столь тесная связь основана не только на общих представлениях о дьявольской природе специального знания, но и на более конкретном сюжете грехопадения Адама и Евы, которые «прозревают» через слово и совершают первый грех словом (о «сексуализации» слова в этом контексте см. [Богданов 1997: 183]).

Задержки в развитии речи могли объясняться тем, что были нарушены соответствующие запреты и предписания. Кроме запрета стричь волосы (и ногти), к их числу относится, например, запрет кормить ребенка рыбой и рыбьим отваром до тех пор, пока не заговорит, иначе — «*будзе нямое бы рыба*»

[Сержпутоўскі 1998: 184]. Широко распространен запрет беременным шить в воскресные и праздничные дни — «*зашьешь ребенку рот*» (см., напр.: [Стефанов, 1898: 160]). В. Даль приводит широко распространенное предписание «*младенцам не давать целоваться: долго немые будут*» [Даль 1955 II: 332]. В этом контексте поцелуй явно рассматривается как вариант «замыкания уст».

Если ребенок долго не начинал говорить, его носили на колокольню. Например, у русских Карелии существовал такой обычай: «*У нас как ребенок в детстве долго не говорит, в колокольню под большой колокол вот и посадят ребенка, а сторож стоит да звонит-названивает:*

*Я звоню-звоню-звоню
а тебе тое говорю:
какой звонкий колокол,
такой будь у тя, младенца, разговор!*

И нося раз, два, пятнадцать под этот колокол» [Русские заговоры Карелии 2000: 62]. К «помощи» колокола обращались и в том случае, если кто-то внезапно онемевает («отыметса язык»). В таком случае «*„добывают языка на колокольне“: обряд состоит в том, что обливают колокольный язык водою и, собравши ее в сосуд, поят больного*» [Афанасьев 1994 I: 298].

Для обретения дара речи существовали и другие способы. В Заонежье над головой ребенка разламывали лучинку или специально выпеченный для этой цели хлеб [Логоинов 1993: 86]; в Полесье разрезали так называемый *забытний* (т.е. забытый в печи) или двойной хлеб, а также хлеб, найденный на дороге [Кабакова 2001: 129; Сержпутоўскі 1998: 184]. Подобные действия органично вписываются в общий комплекс мер, направленных на «открытие речи».

Более интересными представляются случаи, когда для «освобождения языка» ребенку давали что-либо выпить или съесть, но при этом еда или питье должны были отличаться от повседневных. Например, в Белорусском Полесье давали ребенку съесть хлеб или любые другие съедобные продукты, найденные на дороге [Сержпутоўскі 1998: 184]. «*В Лесковацкой Мораве, в с. Лепстинце, если ребенок долго не начинает говорить, делают так. Все домашние моют руки в одной воде, на ней замешивают хлебец — кравайче, дают его ребенку надкусить с трех сторон, затем ребенка, кравайче и все ложки в доме кладут в мешок и кто-то из домашних с этим мешком трижды обходит вокруг дома*» [Панкова 1993: 67]. В Хорватии на крестинах кум оделял присутствовавших обрядовым хлебом со словами: «*Ешьте пупок, чтобы ребенок быстрее заговорил*» [Панкова 1993: 64].

Приведенные данные свидетельствуют прежде всего о том, что слову приписывалась двойственная природа. С одной стороны, слово слышится, оно звучит и проявляет себя именно в звуках. С другой стороны, оно рождается во рту, с помощью языка и уже поэтому соотносится с едой (слова, как и пища, *жуются*; ср. также такие выражения, как *заварить кашу* (о ссоре) и под.). Обретение дара речи может происходить как через уши, так и через рот. Отсюда, вероятно, и двойная стратегия в тех случаях, когда ребенок долго не говорит. Ему можно помочь либо особым звуком (колокольным звоном), либо особой пищей.

Передача слова. Если судить по таким, напр., текстам, как заговоры, слово передается не только и даже не столько акустическим путем. Слова заговора обычно наговариваются на какой-то предмет, который становится своего рода транспортным средством для доставки слов к месту назначения (адресату). Обратимся к сборнику великорусских заклинаний Л. Майкова [Майков 1994].

№ 1. *«Говорится на пряник, который должен быть подарен любимой девушке».*

№ 3. *«Наговаривается на хлеб, вино и проч., что дается привораживаемому, также на его следы».*

№ 8. *«Наговаривается на пищу и питье, которые дают привораживаемому лицу, или на его след».*

№ 10. *«Наговаривается на пищу или питье, которые дают привораживаемому, или на след его».*

№ 18. *«Читается до восхода солнца на зоре над чем-нибудь съестным, что после и дается девице».*

№ 19. *«Читается на подаваемое питье».*

№ 22. *«Молодец ловит и колет голубя, достает из него сало, на сале месит тесто, печет из него калачик либо кокурку или т.п. и этим кормит любимую девушку, приговаривая».*

№ 28. *«Говорить на кислое яблоко; когда говоришь первые 12 слов, ударяй ножом в яблоко; как точка, так тут и ударь ножом; а говорить в самую полночь».*

Такого рода инструкции можно приводить до бесконечности. Из них следует, что слова (во всяком случае заговорные слова) менее всего предназначены для ушей. Показательно, что слова заговора нашептывают, бормочут, произносят их нарочито неразборчиво даже в тех случаях, когда адресат находится рядом (об особых регистрах исполнения заговоров у восточных славян см. [Раденкович 1999: 201–203]). Например, при лечении

больного обращаются опять-таки не непосредственно к нему, а наговаривают на какой-нибудь предмет, который затем дают больному. Слово в любом случае входит в тело, но не обязательно через уши. Особое слово требует и особого пути.

«Проглоченное» слово. Даже по приведенным контекстам видно, что наиболее распространенным способом усвоения слова является его проглатывание (выпивание), пропускание через себя в буквальном смысле. Таким же образом, по аналогии с едой, человек обретает знания и умения. В одной из статей автора говорилось о том, что в соответствии с народными представлениями обретение знаний представляется физиологическим процессом, ближайшим аналогом которого является поглощение еды и питья (см. подробнее: [Байбурин 1998: 494–499]). Там же приводилось описание обряда посвящения девочки в пряжи, зарегистрированного у русских и белорусов. Первую самостоятельно выпряденную девочкой нить сжигали, растворяли пепел в воде и заставляли юную пряжу все это выпить, говоря, что в противном случае она не будет уметь прясть.

В сказке герой намеренно или по неведению съедает или выпивает нечто (например уху, сваренную из змей) и узнает язык трав, деревьев, животных. С подобного рода представлениями связан, видимо, и сказочный (впрочем, не только сказочный) запрет есть и пить что-либо в ином мире. Нарушивший этот запрет навсегда остается в чужом пространстве. Другими словами, отведавший иную пищу **узнает чужое и забывает свое** («не пей, козленочком станешь»).

Приведу еще несколько примеров.

Проглотить можно даже собственные мысли. В этом отношении характерен комментарий исполнительницы заговора: «*Сама съела то, что подумала, сама и съела*» [Русские заговоры Карелии 2001: № 108].

При посвящении в колдовство «*колдун ведет тебя в баню на зори, он попросит, она выскочит, скакуха, эту скакуху нужно проглотить в себя*» [Мазалова 1977: 26]. Т.е. для получения колдовского знания тоже необходимо что-то съесть (в данном случае лягушку).

Показательно, что в загадках книга описывается в кулинарных терминах: «*Один заварил, // Другой налил, // Сколько не хлебай, // А на любую артель еще станет*» [Садовников 1959: № 2236]. Ср. там же загадку о «слове человеческом»: «*Что слаще и что горше?*» [Там же: № 2438]. Слова (как и книги) *проглатываются, перевариваются*, пробуются на вкус.

Видимо, кулинарный код являлся оптимальным для описания таких концептов, как слово и знание, в народной культуре.

«*Есть* словко — как мед сладко, а *нет* словко, как полынь горько» [Даль 1984 I: 324].

Видимое слово. Самый большой прорыв в этом направлении — создание письма и возможности **увидеть слово** и, соответственно, что-то делать с ним: исправлять, членить, корезить, строить различные композиции. Эта тема требует специального исследования. Отмечу лишь, что в таком случае появляется возможность игры не только словами, но и **со** словами, отдельными частями слов. Ср. в загадках типа: «*У Бориса спереди, // У Глеба сзади, // У девки нет до венца, // У бабы есть и будет до конца*». Буки (Б). [Садовников 1959: № 2270].

Но показательно, что ритуализованное усвоение видимого слова происходит по прежней модели — его проглатывают. Причем это относится не только к безграмотным крестьянам, которые соскабливали буквы с выписанных врачом рецептов и съедали. Во многих «инструкциях» по использованию заговоров и молитв их требовалось сначала **написать**, а затем уже проглотить. На Русском Севере была широко распространена «Молитва Пафнутия», которую применяли при лихорадке. Эту молитву следовало переписать, затем привязать листок с молитвой к шее больного, после чего «*положить отписанную бумажку по одному слову в сию воду и дать ему сию бумажку съесть, потом запить святой водой*» [Русские заговоры Карелии 2001: № 206].

Любопытно, что аналогичным образом поступали в самых разных местах России именно при лихорадке. Например, в Саратовской губ. «*веря, что лихорадка боится рака, пишут на клочке бумажки слова „рака усень“, отрывают все буквы этих страшных для лихорадки слов и дают по букве больному съесть с хлебом утром натощак*» [Зеленин 1914–1916: 1244]. В Вологодской губ. с этой же целью больного «*поят водой, которой был окачен колокол, или пишут на бумажке первую главу из Евангелия от Иоанна, носят эту бумажку на кресте шесть недель, сжигают и золу проглатывают*», или «*пишут начальные и конечные буквы каждого слова молитвы, начинающейся словами „Иже на всякое время, на всякий час“ и дают эту бумажку съесть больному*» [Иваницкий 1890: 114]. Особое слово человек должен не услышать, а «съесть» или «прикоснуться» к нему. Может быть, поэтому слова передаются из «уст в уста», а не из уст в уши? Ведь есть же книжное: «Из твоих уст, да Богу бы в уши».

Слово и душа. И, наконец, несколько слов о связи слова с дыханием и душой. Как слово, так и душа выходят из человека

с помощью дыхания. Точнее, дыхание оказывается для слова своего рода материалом и проводником. Аналогии между душой и словом проводятся постоянно. Например, считается, что душу, как и слово, нельзя увидеть, но можно услышать (по стуку в окно, по шагам в доме и т.п. [Толстая 1999: 165]). Ср. также об икоте (отрыжке): «*Душа с Богом беседует*», «*Душа пузыри пускает*». Звучанием души и звучанием слова во многом объясняется особый статус **голоса** в народных представлениях. Леший, завладев голосом человека, отбирает у него жизненные силы, и человек умирает. Белорусы считали, что во время сна душа выходит «*изо рта в виде неизмеримой ленты, которая одним концом остается в человеке, а другим может быть где хочет*» [Богданович 1895: 48]. Невольно приходит на ум традиция изображения слова или последовательности слов, выходящих из уст человека (начиная с лубочных картинок и вплоть до комиксов) в виде такой же ленты.

Тема соотношения слова и души в народной традиции разработана, разумеется, не так, как в литературе. Вместе с тем показательно, что истинное восприятие слова возможно только душой: «*Не глаза видят, а человек; не ухо слышит, а душа*» [Даль 1984 I: 248]. В то же время особенно значимые слова «выговариваются душой» или «с душой». Таким образом, именно в слове соединяются душа и тело и именно в нем они переживают свое истинное единство.

В заключение хотелось бы указать еще на один сюжет, в котором проявилось отношение к языку и слову. Речь идет о непосредственной связи слова с представлениями о жизненной силе (человеческой доле). Каждый человек от рождения наделен определенным (ограниченным) объемом жизненной силы и столь же определенным запасом слов. Более того, судя по некоторым контекстам жизненная сила и слово составляют единое целое. Поэтому считалось, что расходовать отпущенный человеку запас слов следует бережно. Ср.: «*Лучше слушать, нежели говорить — для сохранения своего здоровья и жизни. Препрежные люди оттого и были долговечны и крепки, что мало говорили. Все зло и несчастье происходит от языка*» [Вениаминов 1840: 49]. Видимо, именно подобного рода представления оказались питательной средой для возникновения целого корпуса паремий, варьирующих одну и ту же тему: «Молчание — золото».

Библиография

- Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. I.
Байбурин А.К. Обрядовые формы половой идентификации детей // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. С. 257–265.

- Байбурин А.К.* «Развязывание ума» // Лотмановский сборник I. М., 1995. С. 676–680.
- Байбурин А.К.* Чудесное знание и чудесное рождение // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998. С. 494–499.
- Баранов Д.А.* Образ ребенка в представлениях русских о зачатии и рождении (по этнографическим, фольклорным и лингвистическим материалам). Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1999.
- Белова О.В.* Иностранец // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. II. С. 414–418.
- Богданов К.А.* Очерки по антропологии молчания. СПб., 1997.
- Богданович А.Е.* Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Гродно, 1895.
- Бойцова О.Ю.* Глухота и немота в традиционной культуре. Семинарская работа по курсу «Категории и концепты традиционной культуры» / Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004 (рукопись).
- Вениаминов И.* Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840. Т. II.
- Виноградов Г.С.* Самоврачевание и скотолечение у русского старожильческого населения Сибири // Живая старина. 1915. Вып. 4. С. 325–432.
- Виноградова Л.Н.* Звуковой портрет нечистой силы // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999. С. 179–199.
- Власкина Т.* Мифологический текст родин // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М., 2001. С. 61–78.
- Гаген-Торн Н.И.* Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы // Советская этнография. 1933. №5/6. С. 76–88.
- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955 Т. II.
- Даль В.* Пословицы русского народа. М., 1984. Т. I.
- Дивильковский А.А.* Уход и воспитание детей у народа. Первое детство // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1914.
- Добровольская В.Е.* Институт повивальных бабок и родильно-крестильная обрядность (по материалам экспедиций 1994–1997 гг. в Судогодский район Владимирской области) // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М., 2001. С. 92–106.
- Драгоманов М.* Малорусские народные предания. Киев, 1876.
- Ермолов А.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. СПб., 1901–1905. Т. I–IV.
- Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М. 1991.
- Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива Императорского Географического общества. Пг., 1914–1916. Вып. 1–3.
- Зеленин Д.К.* Табу слов у народов Восточной Европы и Северной

- Азии. II. Запреты в домашней жизни // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1930. Т.IX. С. 1–166.
- Земляробчы каляндар (Абрады і звычаі). Мінск, 1990.
- Иваницкий Н.А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М. 1890. Т. II. Вып. 1.
- Иванов П.* Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда Харьковской губернии. Харьков, 1907.
- Кабакова Г.И.* Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001.
- Колчин А.* Верования крестьян Тульской губернии // Этнографическое обозрение. 1899. № 3. С. 35–63.
- Лебедев Н.* Быт крестьян Тверской губернии Тверского уезда // Этнографический сборник РГО. СПб., 1853. Вып. 1. С. 174–202.
- Логинов К.К.* Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993.
- Мазалова Н.Е.* Жизненная сила севернорусского «знающего» // Живая старина. 1994. № 4. С. 26–28.
- Мазалова Н.Е.* Состав человеческий. Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб., 1991.
- Майков Л.Н.* Великорусские заклинания. СПб., 1994.
- Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и прим. О.А. Черепановой. СПб., 1996.
- Михайловская М.В.* Карельские заговоры, приметы и заплочки // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1925. Т. V. Вып. 2. С. 611–630.
- Никифоровский Н.Я.* Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи ... в Витебской Белоруссии. Витебск, 1897.
- Онищук А.* Матеріяли до гуцульської демонології. Записав у Зелиниці, надвірнянського повіта, 1907-1908, Антін Онищук // Матеріяли до української етнології й антропологиїю Львів, 1909. Т. 11. Ч. 2. С. 1–139.
- Панкова В.Ю.* Терминология и обрядовые функции хлеба в южнославянских родинных обрядах // Символический язык традиционной культуры. Балканские чтения II. М., 1993. С. 63–74.
- Попов Г.* Русская народно-бытовая медицина. М., 1998.
- Предания и былички / Сост. В.П.Кузнецова. Петрозаводск, 1997.
- Раденкович Л.* Голос в народных заговорах южных славян // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999. С. 200–209.
- Русские заговоры Карелии. Петрозаводск, 2001.
- Садовников Д.Н.* Загадки русского народа. М., 1959.
- Северные предания. Беломорско-обонежский регион / Изд. подг. Н.А. Криничная. М., 1978.
- Седакова О.А.* Материалы к описанию полесского погребального

обряда // Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983. С. 246–262.

Сержпутоўскі А.К. Прымкі і забавоны беларусаў-палешукоў. Мінск, 1998.

Смирнов Вас. Народные похороны и причитания в Костромском крае // Второй этнографический сборник. Труды Костромского Научного Общества по изучению местного края. Кострома, 1920. Вып. 15. С. 21–126.

СРНГ 1970 — Словарь русских народных говоров. М., 1970. Вып. 6.

СРНГ 1986 — Словарь русских народных говоров. М., 1986. Вып. 21.

Стефанов Т. Обряды и обычаи, соблюдаемые жителями г. Ейска Кубанской области, при рождении человека, бракосочетании и погребении умерших // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1898. Вып. 246. С. 153–160.

Толстая С.М. Душа // Славянские древности: Этнолингвистический словарь под общей редакцией Н.И.Толстого. М., 1999. Т. II. С. 162–167.

Успенский Д.И. Родины и крестины, уход за родильницей и новорожденным (по материалам, собранным в Тульском, Веневском и Каширском у. Тульской губ.) // Этнографическое обозрение. 1895. № 4. С. 71–95.

Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.

Яковлев Г. Пословицы, поговорки, крылатые слова, приметы и поверья, собранные в Сагунах Острогожского у. // Живая старина. Вып. 4. 1906. С. 165–184.